

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

К истории одной мистификации

Футур-альманах вселенской эго-самости «Я» — известная мистификация литературной группы «Многоугольник», существовавшей в 1910-х гг. в Саратове¹. Этот литературный кружок сформировался вокруг начинающего писателя Льва Ивановича Гумилевского. Позже он вспоминал: «Я предложил собираться у меня <в квартире на Константиновской (теперь Советской) улице> для литературных чтений и обсуждений. Так возникло сообщество “Многоугольник”, <сохранившее> за каждым “углом” полнейшую индивидуальность. Мы, разумеется, все были против всяческой нивелировки и охотно не соглашались друг с другом во вкусах, убеждениях и оценках. “Многоугольник” наш существовал вплоть до революции, разрушение его началось с моего переезда в Петроград в 1915 г.»². Литературные вечера посещал известный журналист Семен Павлович Полтавский, начинающий поэт Александр Ефимович Галкин, историк музыки, профессор Саратовской консерватории Иван Васильевич Липаев, актер Иван Юрьевич Борисов-Извековский, художник, преподаватель в Боголюбовском рисовальном училище Андрей Осипович Никулин. Участники группы печатались в саратовских газетах, выпускали альманахи³, сборники. Следует отметить, что из всех участников именно Л. Гумилевский был больше всех склонен к мистификации: например, название своей книги «Избранные стихотворения», где были опубликованы все написанные им к тому времени стихи, он объясняет так: «Мне хотелось оповестить мир, что кроме этого сборника, у меня есть еще стихи»⁴, а издавая в 1922 г. роман «Эмигранты», он ставит несуществующее издательство «Курганы».

Деятельность группы однако не получила большого резонанса в прессе, самой известной акцией группы становится издание первого альманаха «Я». Выход футур-альманаха был бурно встречен саратовской публикой. Авторы переиздали альманах и вскоре публично раскрыли мистификацию, в 1916 г. во втором альбоме альманаха «Многоугольник» «Я» назывался «Литературной шуткой».

Альманах состоит из разных текстов: манифест, поэзы, фигурные стихи, одностопные, анонсэты. В нем очевидны прямые указания на пародийность: явная установка на комизм в рамочной структуре

текстов — некоторые псевдонимы легко читаются, они ориентированы на узнавание настоящего имени автора. Так, Л. Гумилевский подписывался как Г. Велигумский и Сатана Гордыня — пародия на собственный псевдоним Иван Гордый, А. Галкин — Ник Гак, О. Си-роп — Борисов. Но саратовской публикой они разгаданы не были — слишком малоизвестны в то время были молодые участники группы, а об участии в такой скандальной акции почтенного и известного журналиста «Саратовского вестника» С. П. Полтавского никто не мог бы подумать. Так, редактор этой газеты Николай Александрович Архангельский, писавший под псевдонимом Старый Журналист, позже восклицал: «Человек почтенный и образованный, недурно владеющий пером — и как только попал он на Олимп, с которого рыкают львы гумилевские, — уму непостижимо!»⁵ Усиливает комизм и то, что авторы альманаха не вырабатывают собственных поэтических принципов, используя приемы как эго-, так и кубо-футуризма⁶, даже привлекают элементы модернистской литературы, например, языческие образы Сергея Городецкого. Если сам альманах позже не переиздавался, то «Манифест психо-футуризма», придуманный, по воспоминаниям Л. Гумилевского, С. П. Полтавским, публикуется в сборниках, в Интернете, становится предметом научной рефлексии.

В 1924 г. в Москве выходит сборник «Литературные манифесты. От символизма до “Октября”», составленный Н. Л. Бродским и Н. П. Сидоровым⁷, где «Манифест психо-футуризма», датированный 1914 г., соседствует с выступлениями В. Шершеневича и В. Маяковского. Опубликованный как настоящий, текст подвергся правке: в графике отразилась реформа русского языка, исправлены некоторые опечатки (оявить (явить), психоглубь (ссихоглубь)), добавленные знаки препинания (хотя в футуристических текстах отличить ошибку от приема порой очень сложно) не всегда мотивированы, а иногда даже кардинально меняют смысл текста, так предложение: «А мертвецы пусть гниют в ямах зловонной истории: в миговечном беге Духа оспираливая Вселенную, мы не имеем времени останавливаться на застылых кладбищах теломыслия»⁸. В сборнике приобретает противоположный смысл: оспираливают Вселенную не психо-футуристы, а мертвецы: «А мертвецы пусть гниют в ямах зловонной истории: в миговечном беге Духа оспираливая Вселенную. Мы не имеем времени останавливаться на застылых кладбищах теломыслия»⁹. Сомнительно также замена строчных букв в словах «эго» и «кубо» на прописные.

Такая публикация манифеста способствовала появлению мифа о существовании в Саратове психо-футуристов. В литературоведении существует несколько точек зрения на художественную природу альманаха: «от безусловного причисления к авангарду до «низведения к простой пародии на футуризм»¹⁰. В. Ф. Марков в книге «История русского футуризма» утверждает, что «уж слишком очевидно, что это издание — подделка»¹¹ и лишает сборник художественной ценности, а С. Рыженков пишет: «В 1914 году молодые литераторы Саратова объединяются в литературную группу “Многоугольник”, провозгласившую принципы психо-футуризма и проведшую серию скандальных акций»¹². Доходит до того, что «Многоугольник» превращается в «психо-футуристическое литературное общество»¹³.

При всем этом все единодушно признают, что год выхода альманаха — 1914 (видимо, обращаются ко второму изданию, 2 э디션, как гласит надпись на альманахе). Возникает вопрос: когда же было первое? 1913—1914 гг. отмечены повышенным вниманием к футуризму как в столицах, так и в провинции. В 1914 г. в Россию приезжает Маринетти, а в Саратов — Владимир Маяковский. В этом случае вопрос о годе издания приобретает особую важность: явился ли альманах реакцией на приезд В. Маяковского в Саратов или его появление спровоцировано другими причинами. Обращение к реакции прессы на выход альманаха не только помогает уточнить датировку, но и раскрывает установку альманаха на непосредственное и действенное читательское восприятие, что делает его не столько литературным текстом, сколько литературным действием, акцией.

Как было сказано, на выход сборника откликнулись ведущие газеты Саратова. Газетные публикации относятся к декабрю 1913 г. Газета «Волга» пристально и с пристрастием следила за «выходками» футуристов — в Москве и Петербурге в таких заметках, как «еще о футуристах», «борьба с футуристами», «футуристы и полиция», и предрекала: «Надвигается новая невиданная и неслыханная литературная сила — воинствующий хулиган...»¹⁴ Безусловно, эта газета, стоящая на консервативных позициях (ее лозунг — «Единство России — Царь и народ — Свобода, порядок и мирный труд») не могла пройти мимо собственных «самодовольных наследников разлагающегося декденства». В номере от 31 декабря 1913 г. появляется фельетон Н. Рукавишникова, в котором, в частности, речь идет и о футуральманаче. Автор задается вопросом: «Что это: вырождение, или надувательство?» Проходя мимо пародийной природы текста, определяет его как вырождение и пытается очернить неизвестных авторов альма-

наха, обвиняя их в прагматизме: «Все эти “молнезоркие психи” выросли не на тоскующей и ищущей душе, а просто-напросто на циничнейшем американском принципе “лови момент” <...> А, ведь, в такие моменты можно, пожалуй, не только “прославиться”, но и порядочно набить кармашек. Опомнитесь, откажитесь от своей нечистой дури, и футуристы. Не вводите в соблазн массу, пожалейте ее»¹⁵. Заметка в «Саратовском листке» от 25 декабря 1913 г. называется «Печатный “психобред”». Автор радуется: «Наконец местные футур-эгоисты выступили с печатным сочинением». В конце делает вывод: Что же! Теперь самое время маскарадов»¹⁶.

Публикация «Саратовского вестника» от 25 декабря 1913 г. уточняет дату выхода альманаха. В разделе «Капельки» Ян Варский восклицает: «Свершилось! В Саратове вчера вышел первый номер «Футур-альманаха вселенской эго-самости» под заглавием “Я”»¹⁷. Обозреватель не церемонится с авторами альманаха и после несколько цитат заявляет: «Мы имеем дело с четвероногими, одержимыми манией величия и воображающими себя “Фердинандами Восьмыми”»¹⁸. Заканчивается статья призывом: «Спасайся, кто может!». Итак, альманах вышел 24 декабря 1913 г.

Эту датировку поддерживает указание на время написания некоторых текстов в самом альманахе. Так, «Жизнь-поезд» Пьетро Смурского написана 15 декабря 1913 г. 12 ч. 5 мин. ночь, произведение Колтаковского «Психодумы меня», «с презрением и ненавистью посвященное Маяковскому», относится к 16 декабря 1913 г. 20 ч. утра. В «Анонсэттах» объявлено: «второй футуральманах остампуется в первомсяц притекущего года», то есть в январе 1914-го, как оно, видимо, и было.

Саморазоблачение психо-футуристов произошло 31 января 1914 г. Оно также сопровождалось мистификацией. Была объявлена очередная лекция в Коммерческом собрании, докладчики — постоянный участник таких литературных вечеров С. П. Полтавский и молодой литератор Л. Гумилевский — должны были прочитать лекцию о футуризме и рассказать о саратовской группе. Но по городу прошел слух, что на лекцию приедут московские футуристы. Эта новость проникла на страницы газет и обросла подробностями. В объявлении, помещенном в «Саратовском листке», появился еще один пункт: «Выступят в числе прочих футуристы, приехавшие из Москвы: В. Маяковский и Бурлюк»¹⁹. Эта же газета сообщает подробности: «В Саратов ожидается сам г. Бурлюк, чтобы обругать почтеннейшую публику скотами, как обругал он в Москве и Петербурге»²⁰. «Саратовс-

кая жизнь» сообщает: «Лекция Л. И. Гумилевского вызвала тревогу среди местных психофутуристов <...> Уверяют, что столичные футуристы В. Маяковский, Д. Бурлюк, Н. Крученых, запасшись надлежащими красками для раскрашивания своих физиономий, уже выехали на помощь своим провинциальным друзьям»²¹. Конечно, никакие футуристы не приехали, так как были на гастролях в Киеве.

Разоблачал мистификацию молодой Гумилевский. Его манера, весь пафос его выступления вызвал бурю негодования, он вел себя дерзко, «с едким сарказмом перечислял «выводы» саратовских газет о футуризме»²², а перечислял в лицо этим же журналистам, многие из которых были намного старше его и уже заработали себе имя в журналистике. Объявив авторов альманаха защитниками литературы, он напал на «защитников футуризма» в лице К. Чуковского и Старого Журналиста. Нужно сказать, что выступления К. Чуковского о футуризме получили большой резонанс, особенно статьи, опубликованные в альманахе «Шиповник»: «Эго-футуристы и кубо-футуристы» и «Образцы футуристической литературы». В «Саратовском вестнике» в начале января 1914 г. появились публикации, излагающие и поддерживающие идеи критика. Л. Клод пересказал статьи Чуковского в работе «Сущность отечественного футуризма»²³. Эти же идеи поддерживает Старый Журналист в статье «Под шершавой шелухой»²⁴. Следом за К. Чуковским он видит призвание футуризма в расширении поэтического лексикона, изменении поэтического языка. «Талантливые футуристы <...> дают красивые и смелые вещи», — утверждает Архангельский, но при этом оговаривает. — «Конечно, саратовские футуристы не в счет: это просто или нищие духом, безграмотные при этом даже с футуристической точки зрения, молодые люди, или предприимчивые аферисты, удачно сумевшие использовать момент». С еще непривычной по отношению к футуризму доброжелательностью журналист заключает: «И мне кажется, что вся футуристическая, пестрая шершавая шелуха в конце концов с действительно талантливых футуристов соскочит — как короста с заболевшего оспой, и останется только то, что, хотя и уродливо пока, выражает потребность времени — сжатая, более образная речь».

После разоблачения игра и пародия перешли на страницы одуроченных недавно газет. В статье «Дама или Бурлюк»²⁵ рассказывается о странном событии, произошедшем на лекции о футуризме. Был пущен слух, что Бурлюк в зале. «Указывали на одну из дам с нитью коралловых бус на шее, которая, как говорили, была не кто иной, как переодетый Бурлюк. (...) Вскоре за ничего не подозревающей дамой

ходил целый хвост любопытных...» Но тайна так и осталась нераскрытой. П. Медведев в фельетоне «На настоящее»²⁶ описывает странное поведение саратовского общества, не знающего, кому и чему верить: «В Сологуба уже поверили с трудом.

— Не настоящий. Вот посмотрите, выйдет вам какой-нибудь всемирно известный Галкин или подающий большие надежды Гумилевский. Убедились только тогда, когда увидели сологубовскую бородавку».

Таким образом, получилось, что альманах не столько выступил против футуризма, сколько взбудоражил доверчивую публику, и объектом насмешки оказалась именно она. В результате обличителей футуризма обвинили... в футуризме. Так, Старый Журналист писал, что «литературный мальчик» Гумилевский, «сам того не подозревая, так похож был на жаждущего славы Бурлюка... Оба они одинаково смелы, одинаково легки в мыслях, по-видимому, одинаково ждут сенсации... И трудно было заметить, где кончается футурист и где начинается его обличитель»²⁷. Более аргументирован в своих выводах журналист «Саратовского листка», работавший по псевдонимом Свой: «Вы, господа, более футуристы, чем вы про себя думаете <...> Самый способ обращения с печатным словом, избранный вами, по истине... футуристский. Вы обращаетесь к литературной форме, чтобы крикнуть публике впоследствии: — Дураки! А вы поверили?!»²⁸. Свой справедливо замечает, что «авторы в футуризме показали себя, право же талантливее, чем в реалистических и символических своих произведениях. Они просто, может быть, не знают еще своих сил <...>И публика это сразу оценила. Она не замечала других произведений молодых наших литераторов <...> но едва они начали писать «под футуристов», публика расхватала около тысячи экземпляров альманаха». И конечно, с футуризмом сближает жажда скандала и рекламы. Такая реакция вполне понятна, если учесть, что авангард — это не только семантика и синтактика, но и также, если не в большей степени, прагматика. Для футуризма эстетически значимым становится момент общения с читателем, встреча читателя и футуристического текста — чаще всего скандал, шок, эпатаж. Для саратовских авторов стилистическая достоверность была не так важна, как своевременность появления альманаха. Саратовские псевдофутуристы, спародировав футуристическую форму, использовали футуристическую модель поведения, восприняли футуристический образ читателя-обывателя, которого надо напугать и над которым можно посмеяться. Хотя, скорее всего, это не было изначальной установкой авторов альманаха, а было сфор-

мировано уже в процессе его функционирования и закреплено скандальным разоблачением.

Так как альманах был выпущен в 1913 г., а следовательно, не был вызван приездом Маяковского, интересно посмотреть, как он вписывается в контекст творчества группы «Многоугольник» и какие события, предшествовали его появлению.

О футуристических тенденциях можно с уверенностью говорить только в том случае, если в текстах писателей «Многоугольника» как-то проявились формальные искания. В книге Льва Гумилевского «Избранные стихотворения» с эпиграфом «Жизнь в Красоте и в служении Ей» превалируют романтические интонации (от Лермонтова до Надсона). Его откровенно слабая и подражательная книга примечательна четкой сюжетной линией, в чем угадывается будущий прозаик. Тексты сотканы из романтических клише:

В минуты дивных вдохновений
Хочу страдать, любить;
Для чистых, светлых увлечений
Хочу безумно жить.
Хочу безумных наслаждений
Хочу любить, страдать;
Без дум и черных размышлений
Хочу все в жизни взять
Свой кубок с жизненной отравой
Хочу испить до дна,
И будет мне пустой забавой
Мой кубок без вина;
Мгновенным счастьем упоенный
Без черных, злобных дум
Пусть перед смертью преклоненный
падет мой пьяный ум.²⁹

В этом стихотворении использованы шаблонные образы романтизма — чаша жизни, мотив жизнь–страдание, вызывающий в памяти читателя стихотворение Лермонтова «Я жить хочу! хочу печали!».

В альманахе «Многоугольник», опубликованном уже после футуральманаха, также нет следов футуризма, хотя саратовцы пробовали себя в разных жанрах и стилях: стихотворения, рассказ (от фантастического до реалистического), стихотворения в прозе. В стиле «Посолони» Ремизова написаны «Весенние сказульки» А. Е. Галкина: «Скоосурилась зима. Насурупилась на Спиридона. Растрепала свои длинные космы. Изаплевала мужика белой пухлявой слюной. А ветерку насмутьянничала.

Потом всхорохорилась. И пометелилась к своей горенке. Прибегла и не узнала ее: крыльцо покоробилось и повесть набекренилась.

Завопила злыднем зима. Подоткнула подол. И заметусилась к Деду Морозу с жалобой»³⁰. Довольно большой сказовый текст разрушается стилистически неоднородными вкраплениями: например, «черт встал конфузливо»³¹.

На использовании бальмонтовской аллитерации построено его стихотворение «Камыши»:

Шуршат, колышутся в тиши —
Воздушный звон моей души,
Зеленый сон мой — камыши
Безгрешен шорох их в глуши...
Сплетают сказку для души
В душистой утренней тиши.
Шуршат и шепчут камыши:
Пришедший к сказке — не грехи
В бесшумно-дышащей тиши.³²

Второй альманах «Многоугольника» можно назвать романтическим, модернистским. Его тексты отсылают к Надсону, Ремизову... Северянину. Действительно, группа не придерживалась узких литературных рамок, так уже после мистификации, они печатают стихотворение Игоря Северянина «Поэза странностей жизни»³³, в котором, однако, нет неологизмов, привычной северянинской образности, оно так же, как тексты провинциальных авторов, состоит из романтических клише:

Встречаются, чтоб разлучаться...
Влюбляются, чтоб разлюбить...
Мне хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Очевидно, что в основе искусства участников группы в этот период — эксплуатация уже найденных средств выразительности от Бальмонта до Северянина. Не замыкая себя в рамках определенной эстетики, они, однако, не создают оригинального искусства. Их творчество подражательно и эклектично. Сопоставление произведений, напечатанных в альманахе, с другими текстами этих авторов, с одной стороны, выявляет подражательную сущность их творчества, с другой — обнаруживает явную ориентацию на романтизм. Что, безуслов-

но, говорит о пародийном характере альманаха, подкрепляя авторское наименование — «Литературная шутка».

При этом высоким качеством стилизации, учитывающей не только форму футуристического высказывания, но и его пафос, отличается манифест, созданный С. П. Полтавским. В 1913 г. провинциальная пресса не воспринимала футуризм как литературное течение, о чем свидетельствуют упомянутые газетные публикации. В это время, когда футуристы в провинции приобрели репутацию хулиганов, С. Полтавский был одним из немногих, кто попытался публично сформулировать литературные принципы футуризма, заявить о нем как о литературном течении³⁴. В «Саратовском вестнике» от 6 ноября 1913 года помещен анонс: «Литературно-семейные вечера. Очередной вечер в Коммерческом собрании назначен на четверг 7 ноября. С. П. Полтавский сделает доклад на тему: “Итальянский футуризм и итальянское прошлое”»³⁵. На лекции Полтавский изложил манифест итальянских футуристов, провел социогенетический анализ течения и дал свою оценку современному состоянию футуризма. Он утверждал: «Значение футуризма не в его приобретениях, не в том, что им сделано, но в его психологическом содержании. <...> В футуризме важно его настроение, общечеловеческое в основе. Являясь законным потомком импрессионизма, выразившего любовь к свету, футуризм ту же радость жизни перенес в область действия, и гимн солнцу превратил в гимн быстроте и размаху. Его стержень — это радость жизни, любовь к ней, настолько глубокая, что он готов петь даже грязь и удушье современного города. Это стремление вместить в себя всю жизнь — типично для нашего времени»³⁶. Признавая, что достижения футуризма ниже его намерений, докладчик уверен, что «футуризм — течение, гений которого тоже еще в *futurime*, в будущем». Являясь посредственным писателем, Полтавский один из немногих пытался в то время как-то работать с формой. Продуктивная словообразовательная модель — приставка *o-*, активно использованная для создания неологизмов в манифесте (оявить, овнесловить, очудить, опаутинивание, оядиванье, одуховить, овнеявить, оспираливая) используется им в романтическом стихотворении «Зимней ночью», напечатанном в «Саратовском вестнике» от 8 декабря 1913 г., в котором «За калиткой оснеженной / Зажались нас змеи-кони», а вместо призрака «ель в степном просторе / Осеребренным нарядом».

В рубрике «Капельки» Ян Варский отмечает, что публика, пришедшая на лекцию С. Полтавского, была разочарована, так как не было «ни раскрашенных фигур, ни “фонаренных глаз”, ни “обезкалошен-

ных”, “страхбегающих” представителей “футуризма”³⁷. Обозреватель отмечает, что русский футуризм похож на итальянский, «как шарж на оригинал», «наш футуризм просто обезьянство. Притом с нарушением тишины и спокойствия. Футуризм так сказать, по статье 38». Очевидно, что публике нужен был скандал, она его получила в виде футур-альманаха, манифест которого до сих пор продолжает мистифицировать читателя.

Литературный 1913 г. начался выходом «Пощечины общественному вкусу», а литературный 1914 г. в Саратове открылся выходом футур-альманаха «Я». Ироничный Ян Варский, долго в своих фельетонах обращавшийся к творениям психофутуристов, писал: «А слава бежит за саратовскими “психами” во все лопатки. Так начался новый литературный 1914 год. Пусть он будет обамурен славой!»³⁸. В этом психофутуристическом скандале саратовское общество выработала стратегию восприятия футуристов и во многом изменило отношение к ним, что также было подготовлено появлением и популяризацией работ К. Чуковского. Выплеснув все негодование на саратовских футуристов, московских авангардистов уже встречали спокойнее. Из литературных хулиганов футуристы превратились в мальчишек, и пресса уже с отеческой заботой журила их. Выступление в Саратове Маяковского и Бурлюка состоялось 19 марта 1914 г. В отчете, опубликованном на страницах «Саратовского вестника» приводится высказывание Бурлюка о поведении и манерах Маяковского: «Но ведь Маяковскому всего двадцать лет»³⁹. Старый Журналист так и называет свою статью о Маяковском и футуристах «В двадцать лет»⁴⁰, где футуризм осмысливается как болезнь роста.

Осмеянные через мистификацию в 1910-е гг. футуристические искания оказались востребованы в Саратове 1920-х гг. Внимание к формальной стороне текста, творческие эксперименты, объединяющие разные виды искусств, — все это актуализируется в эстетике периода «культурного взрыва».

Примечания

- ¹ Существовала примерно до конца 1910-х гг. О восстановлении группы «Новый художественный Саратов» сообщает в феврале 1923-го гг.
- ² Печ. по кн.: Самосюк Г. Ф. Саратов в судьбе Льва Гумилевского // Годы и люди. Саратов. 1990. Вып. 5. С. 209.
- ³ Кроме футур-альманаха, группа выпустила несколько альманахов «Многоугольник», альманах «Война и жизнь» (1916).
- ⁴ Гумилевский Л. Судьба и жизнь: Воспоминания // Волга. 1988. № 7.

- С. 146.
- 5 Старый Журналист. Боги саратовского Олимпа // Саратовский вестник. 1914. 2 февр.
 - 6 См. об этом Марков В. Ф. История русского футуризма. СПб., 2000; Иваницина И. Ю. Альманах саратовских футуристов // Филология. 1996. С. 91–93.
 - 7 В переиздании исправления и неточности сохранены: Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост.: Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М.: Изд-во «Аграф», 2001. С. 189.
 - 8 Я. Футур-альманах вселенской эго-самости. Саратов. 1914. 2-е изд. С. 1.
 - 9 Литературные манифесты. От символизма до «Октября» / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М. 1924. С. 151.
 - 10 Рыженков С. Литературный регионализм: путь Саратова // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 263.
 - 11 Марков В. Ф. История русского футуризма. СПб., 2000. С. 184.
 - 12 Рыженков С. Литературный регионализм: путь Саратова // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 263.
 - 13 Губернская власть и словесность: литература и журналистика Саратова 1920-х годов. Саратов, 2003. С. 344–345.
 - 14 Сухонин А. Секрет славы // Волга. 1913. 21 нояб.
 - 15 Рукавишников Н. Разные разности // Волга. 1913. 31 дек.
 - 16 Все. Печатный «психобред» // Саратовский листок. 1913. № 283. Нужно отметить, что вся история мистификации часто осмыслялась через эстетику карнавала.
 - 17 Ян Варский Капельки // Саратовский вестник. 1913. 25 дек.
 - 18 Явная отсылка к «Запискам сумасшедшего» Н. Гоголя. Журналист после саморазоблачения группы для определения лидера — Л. Гумилевского будет использовать гоголевские образы: «Молодой человек, с рассуждением на лице и с легкостью в мыслях необыкновенной»; «14 октября, а может быть — марта (точно не помню приведенной Львом Гумилевским даты)» // Саратовский вестник. 1914. 2 февр.
 - 19 Саратовский листок. 1914. 31 янв.
 - 20 Слово-Глаголь Сегодня на день // Саратовский листок. 1914. 31 янв.
 - 21 Лекция о футуризме // Саратовская жизнь. 1914. 30 янв.
 - 22 Посрамление футуризма // Саратовская жизнь. 1914. 2 февр.
 - 23 Саратовский вестник. 1914. 9 янв.
 - 24 Саратовский вестник. 1914. 10 янв.
 - 25 Саратовская жизнь. 1914. 2 февр.
 - 26 Саратовский вестник. 1914. 6 февр.
 - 27 Старый Журналист. Боги саратовского Олимпа // Саратовский вестник. 1914. 2 февр.
 - 28 Свой Маскированные // Саратовский листок. 1914. 2 февр.
 - 29 Гумилевский Л. Избранные стихотворения. Саратов. 1910. С. 22.
 - 30 Галкин А. Е. Весенние сказульки // Многоугольник. Саратов. [6. г.]

Вып. 2. С. 10.

³¹ Там же. С.12.

³² Галкин А. Е. Венчальные ризы. Саратов. 1918. С. 23.

³³ Северянин И. Поэза странностей жизни // Многоугольник. Саратов. [б. г.]
Вып. 2. С. 1.

³⁴ На вечере, на котором были разоблачены психо-футуристы, Полтавский
опять говорил о истории и теории этого направления.

³⁵ Саратовский вестник. 1913. 6 нояб.

³⁶ Полтавский С. Футуризм и его происхождение // Саратовский вестник.
1913. 9 нояб.

³⁷ Варский Ян. Капельки // Саратовский вестник. 1913. 9 нояб.

³⁸ Варский Ян. Новогодний футурист // Саратовский вестник. 1914. 1 янв.

³⁹ Лекция футуристов // Саратовский вестник. 1914. 21 марта.

⁴⁰ Саратовский вестник. 1914. 23 марта.